

³⁶ Подробности см.: *Добродомов И. Г. Пешкеш* из словарей и текстов // Наше слово: К 80-летию профессора В. Д. Бондалетова. М., 2009, 51–61.

³⁷ *Әхмәтьянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 45.

³⁸ *Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992, 9, 13.

³⁹ Академический «Словарь русского языка XVIII века» почему-то этого слова не дает, хотя оно и употреблялось уже в это время.

⁴⁰ *Громов А. В.* Жгонский язык. М., 2000, в разделе «Словарь языка шерстобитов» (без пагинации).

⁴¹ Диалекты тюркских языков. Очерки. М., 2010, 344: *pət* при казанском *bət*.

⁴² *Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 359; ср. также 127.

⁴³ *В. В. Радлов.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911, стб. 1778, 1774.

⁴⁴ *Әхмәтьянов Р.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 31.

⁴⁵ Там же.

И. Г. Добродомов

M. Jakubowicz. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010. 375 s.

Мариола Якубович — представитель польской этимологической школы, один из авторов создаваемого в Кракове по инициативе и первоначально под руководством Ф.Славского «Праславянского словаря» (SP), и ее монография посвящена одному из самых актуальных вопросов этимологической науки — семантической реконструкции и возможности создания словаря семантических параллелей (в плане статики, синхронии) или семантических «переходов» (в плане динамики, диахронии) славянской лексики. Как известно, наличие схождений в способе номинации одного и того же денотата между разными языками (ономазиологический аспект) или аналогий в семантическом развитии соответствующих языковых знаков (семасиологический аспект) служит для этимологов важнейшим критерием при обосновании предлагаемого решения или при выборе из нескольких альтернативных версий, допускаемых формальной реконструкцией. В условиях, когда все еще семантическая сторона остается слабым местом славянской этимологии, даже в таких авторитетных компендиумах, как московский «Этимологический словарь славянских языков» (ЭССЯ) и краковский «Праславянский словарь»¹, книга М. Якубович воспринимается как долгожданный прорыв в этой области и первая серьезная попытка не просто в очередной раз обратить внимание на проблемы семантической

реконструкции, но и предложить практический, «опытный» результат в этой области.

Книга состоит из двух частей: теоретической и словарной. **Теоретическая часть** важна и как обоснование предлагаемого автором подхода к семантической реконструкции, и как весьма полезная сводка истории вопроса, сопоставляющая разные мнения и позиции относительно необходимости, возможности и профиля будущего семантического словаря диахронических изменений славянской лексики. В первом разделе теоретической части книги обсуждаются такие общие вопросы (имеющие, однако, прямое отношение к ее «практической» части), как соотношение значения и понятия, синхронии и диахронии, полисемии и омонимии, методы изучения изменения значений, и определяется ключевое для автора понятие семантической мотивации (*motywacja semantyczna*), его отношение к понятию словообразовательной мотивации, критически разбирается применение этих понятий и соответствующих терминов (наряду с терминами *номинационная мотивация* — *motywacja nominacyjna*) в работах российских, чешских, словацких, болгарских и польских авторов; подчеркивается, что для целей работы важно не только понятие семантической мотивации, но и понятие мотивационного значения. Под семантической мотивацией автор понимает а) номинационный процесс, приводящий к появлению нового значения, б) мотивационное значение, т. е. «значение, которое имеет общие элементы с последующим по времени исследуемым значением и тем самым является импульсом к возникновению нового значения»; при этом мотивационное значение может быть «непосредственным» (*bezpośrednie*) и опосредованным (*pośrednie*) (с. 31–32).

В работе, однако, исследуются не собственно явления семантической мотивации и не мотивационные значения как таковые, а пары «мотивирующее значение > мотивированное значение» — единицы семантической деривации, не имеющие пока общепринятого обозначения и называемые «типы семантической деривации», «модели семантической деривации», «семантические параллели» (*resp.* «семантический параллелизм»), «модели номинации», «номинационные модели», «модели семантических коннотаций» и т. п. Такие пары не индивидуальны для каждого конкретного случая, а «серийны», т. е. повторяются в истории разных лексем и разных языков. Задача автора — оценить возможность каталогизации таких пар и составления соответствующего словаря семантической мотивации, что имело бы первостепенное значение для этимологии, и представить опытную версию такого словаря. В работе речь идет, конечно, не о полном словаре, а об одном его небольшом фрагменте, ограниченном праславянскими прилагательными, обозначающими характеристики человека.

Книга М. Якубович посвящена памяти скончавшейся в 2010 г. Евы Гавловой — выдающегося чешского ученого-этимолога и лексиколога, — которая одной из первых в славистике поставила вопрос о необходимости создания словаря такого типа (Havlová 1965). Несколько ранее (в 1964 г.) на эту тему высказался О. Н. Трубачев, который, критически отозвавшись

о словаре индоевропейских синонимов К. Д. Бака, построенном по идеографическому принципу, предложил создать свод семантических диахронических параллелей (семантических переходов) на материале разных языков: «Нам кажется, что подлинной “contribution to the history of ideas” мог бы послужить только свод рубрик типа ‘таять’→‘молчать’ с подробным сравнительным и критически отобранным этимологическим материалом внутри каждой такой семантической рубрики, с детально разработанными отсылками и с полными лексическими индексами, облегчающими пользование трудом. Что касается отбора рубрик-страт, то он должен охватывать в первую очередь достоверные случаи семантической эволюции. Таких в науке к настоящему времени известно уже немало. Ср. ‘дуть’→‘говорить, думать’, ‘скот’↔‘имущество’, ‘петь’←‘поить, совершать возлияния’, ‘человек’←‘земной’, ‘человек’←‘смертный’ и др.» (см. Трубочев 2004: 315). Более века тому назад о необходимости словарей семантических изменений (сравнительных семасиологических словарей) писал Я. Розвадовский (Rozwadowski 1903). Вопрос о возможности и формате подобных словарей продолжает дискутироваться, главным образом, этимологами как наиболее заинтересованными в таких сводках (см. Popowska-Taborska 1989, Karlíková 2008).

Очевидно, что словарь семантических параллелей любого масштаба не может быть создан *ad hoc* — он должен базироваться на предварительно обработанном эмпирическом материале, причем не только на материале этимологических словарей соответствующих языков, где лексика представлена «поштучно» и по принципу «от слова к значению», но и на словарях и на исследованиях других жанров. Так, идеографический (ономасиологический) словарь («от понятия к слову»), особенно сравнительный идеографический словарь, дает такую систематизацию лексики, которая даже ближе к задачам словаря семантических параллелей, поскольку представляет картину лексического выражения каждого из понятий в разных языках, без чего словарь параллелей не может обойтись. Столь же необходимы полные словари синонимов отдельных языков и в идеале — сравнительный словарь синонимов славянских языков (словарь межъязыковой синонимии), который мог бы служить и этимологическим, и типологическим целям. Таким образом, принцип, избранный Баком, совместившим словарь синонимов с идеографическим словарем, скорее всего следует признать, вопреки мнению О. Н. Трубочева, оптимальным. Именно такую комбинацию идеографического и синонимического принципа мы находим и в работе М. Якубович: ею выбраны в качестве исходных понятия, относящиеся к характеристике человека («хороший», «красивый», «приятный» и т.п.), и для каждого приведен весь «лексический спектр» (лексическое поле) обозначений в славянских языках (включающий как лексемы, для которых данное значение является главным, так и лексемы, для которых исследуемое значение маргинально, вторично и т. д.). Из источников других (не словарных) жанров исключительно важны для словаря семантических параллелей и ономасиологические исследования, посвященные отдель-

ным тематическим группам лексики, и семасиологические исследования, посвященные отдельным этимолого-словообразовательным гнездам². Все эти источники получили в книге М. Якубович свою оценку с точки зрения поставленных ею задач³.

В целом очевидно, что проблематика семантических параллелей или семантических мотиваций требует как ономаσιологического (от смысла к слову), так и семасиологического (от слова к смыслу) подходов и их разумного сочетания, хотя само явление семантического параллелизма в большей степени относится к области смысла (к «истории идей») и обусловлено скорее гносеологическими, когнитивными, психологическими особенностями восприятия мира человеком, чем собственно лингвистическими закономерностями семантической эволюции. Это следует прежде всего из параллелизма механизмов семантической деривации в разных языках (и на разных стадиях развития) независимо от их родства или характера контактов (однако в соответствии с типом культуры)⁴.

Большое внимание в теоретической части рецензируемой книги уделено проблемам реконструкции праславянского значения вообще и реальным достижениям в этой области в этимологических словарях и специальных исследованиях. Но вначале обсуждается вопрос о реальности или условности самого праславянского языка. Мне кажется, что рассматриваемые здесь две формально противоположные позиции (1. праславянский язык — реальный языковой идиом со всеми характерными для реальных языков свойствами и 2. реконструируемый праславянский язык — условный конструкт, не претендующий на статус нормального естественного языка) в действительности не противоречат друг другу: праславянский язык, несомненно, существовал как реальный естественный язык, но наши возможности воссоздать его во всей совокупности его черт недостаточны, поэтому результат реконструкций (не только лексики, но даже и фонетики и морфологии) не должен претендовать на безусловную реальность и остается условным отображением праславянского языка и в какой-то мере лишь «системой соответствий». Далее М. Якубович формулирует принципиальные для данного исследования положения о принятой в нем концепции семантической реконструкции: автор считает необходимым представить реконструкцию в нескольких последовательных этапах: «1. этимологическое значение (на основе внешних по отношению к праславянскому языку соответствий или реконструированного индоевропейского корня), 2. структурное значение (опирающееся на значение производящей основы) и 3. значение, реконструированное на основе “континуантов” в славянских языках» (с. 43)⁵. В последующих главах раздела подробно обосновываются принципы реконструкции каждого из этапов в порядке, обратном хронологии, т. е. начиная с последнего, восстанавливаемого на основе заведомо установленных в славянских языках значений праславянских лексем, затем переходя к структурному, которое определяется как «потенциальное» и зависит от предполагаемой производящей праславянской основы (не для всех дериватов восстанавливаемой), и, наконец, к этимологическому значению

и особенностям его реконструкции для праславянских прилагательных, которые исследуются в работе.

Третий раздел теоретической части посвящен праславянским прилагательным, среди которых выделяются три группы: 1. прилагательные, представляющие собой старые лексикализованные причастия, т. е. сохраняющие формальные признаки глагола (глагольный вокализм); 2. прилагательные, восходящие к индоевропейским глагольным корням, но с эффектом апофонии, 3. прилагательные, восходящие к индоевропейским субстантивным корням. Для отглагольных прилагательных отмечается характерная особенность, отличающая их от причастий, а именно неразличение семантики активной и пассивной (или медиопассивной, возвратно-пассивной). На эту же черту обратила внимание М. Войтыла-Свежевска в своей монографии о праславянских *nomina actionis* (Wojtyła-Świerżowska 1992)⁶.

В последнем разделе теоретической части обсуждаются вопросы, непосредственно связанные с методикой создания словаря семантической мотивации; предлагаемый подход сопоставляется с другими подходами и формулируются принципы предлагаемого словаря, раскрываются способы отбора и анализа материала в семасиологическом и ономасиологическом аспектах.

Вторая, «практическая» часть книги представляет собой словарь, состоящий из 16 статей, «входом» в которые служат следующие антитетические пары понятий, относящиеся к характеристике человека: ХОРОШИЙ (DOBRY) и ПЛОХОЙ (ZŁY), МИЛЫЙ (MIŁY) и НЕПРИЯТНЫЙ (NIEPRZYJEMNY), КРАСИВЫЙ (ŁADNY) и БЕЗОБРАЗНЫЙ (BRZYDKI), ВЫСОКИЙ (WYSOKI) и НИЗКИЙ (NISKI), ТОЛСТЫЙ (GRUBY) и ХУДОЙ (CHUDY), СИЛЬНЫЙ (SILNY) и СЛАБЫЙ (SŁABY), ЗДОРОВЫЙ (ZDROWY) и БОЛЬНОЙ (CHORY), МОЛОДОЙ (MŁODY) и СТАРЫЙ (STARY), БЫСТРЫЙ (SZYBKІ) и МЕДЛЕННЫЙ (POWOLNY), ВСПЫЛЬЧИВЫЙ (GWAŁTOWNY) и СПОКОЙНЫЙ (SPOKOJNY), ВЕСЕЛЫЙ (WESOŁY) и ГРУСТНЫЙ (SMUTNY), СТРОГИЙ (SROGI) и МЯГКИЙ (ŁAGODNY), СМЕЛЫЙ (SMIAŁY) и ТРУСЛИВЫЙ (STRACHLIWY), ГОРДЫЙ (DUMNY) и КРОТКИЙ (POKORNY), ТРУДОЛЮБИВЫЙ (PILNY) и ЛЕНИВЫЙ (LENIWY), УМНЫЙ (MĄDRY) и ГЛУПЫЙ (GŁUPI).

Каждому понятию сопоставляется список праславянских прилагательных, способных его выражать, т. е. иметь соответствующее значение, например, для понятия БЕЗОБРАЗНЫЙ (BRZYDKI) это *gnusъnъ, *gadъnъ, *gydъkъ, *gyzdavъ, *bridъ/bridъkъ, *rôzъnъ, *mîzъkъ, *grozъnъ, *grdъ, *chudъ, *marъnъ, *grôbъ:grubъ, *durъnъ, *chvorъ. Далее для каждой праславянской лексемы приводятся ее этимологическое значение (znaczenie etymologiczne), «структурное» значение (znaczenie strukturalne), значение, засвидетельствованное славянскими языками (znaczenie oparte na kontynuacjach) и инновационные значения, развившиеся в отдельных языках (znaczenia innowacyjne). За ними следует обязательное резюме, обобщающее сведения о семантических переходах, отраженных во всем лексическом поле понятия (Podsumowanie zmian znaczeniowych). В случае БЕЗОБРАЗНЫЙ

(BRZYDKI) это заключение выглядит следующим образом: «В мотивациях понятия БЕЗОБРАЗНЫЙ отчетливо доминирует производимое объектом отталкивающее впечатление (**gnusьнь*, **gadьнь*, **gydькь*, **gyzdavь*, **bridькь*, **mъzькь*, **grozьнь*, **grdь*, **rqzьнь*). Остальные мотивации основаны на внешних признаках: слабости (**marьнь*), худобе (**chudь*) или их причинах, таких как болезнь (**chvorь*), необработанность (**grqьбь*), или же на общей оценке «плохой» (**durьнь*, **marьнь*, **chudь*)» (с. 156).

В последнем разделе книги этот же материал подается в иных ракурсах, в виде двух словарей семантических переходов (słowniki zmian semantycznych). В обоих случаях материал упорядочен по ономасиологическому принципу, но в одном словаре исходными являются вторичные, производные значения (znaczenia otrzymane), а во втором, наоборот, — производящие (мотивирующие) значения (znaczenia wyjściowe). Например, согласно первому словарю, понятие СИЛЬНЫЙ (SILNY) может мотивироваться значениями: срединного положения (**jędrь?*), физических признаков «большой» (**drěчьнь*), «напряженный» (**silьнь*, **toqь*), «твердый» (**krěпькь*, **krqть*, **storьбь*, **črstvь?*), «густой» (**črstvь?*), «толстый» (**jędrь?*), «здоровый» (**sъdorьвь*), «жесткий» (**storьбь*), признаков возраста — «молодой» (**jarь*), темперамента — «вспыльчивый» (**polчь*), «похотливый» (**jarь*), «быстрый» (**chyrь*, **polчь*), «резвый» (**bьdrь*, **čilь*, **jarь*), «резкий» (**čilь*), черт характера — «строгий» (**stroqь*), «трудолюбивый» (**dělьнь*), оценки — «соответствующий, подходящий» (**dob'ь*), «чрезмерный» (**lichь*), «грозный, устрашающий» (**stroqь*), признака «обильный» (**sporь*); на основе ассоциаций со стволом дерева (**drěчьнь*), с работой (**dělьнь*), с хорошей древесиной (**sъdorьвь*), с действиями — хватать (**chyrь*), бежать (**polчь*), давить (**dqзь*), бить (**črstvь?*), сплетать (**črstvь?*, **krqть*), крутить (**krqть*), выдерживать (**krěпькь*, **črstvь?*), цепенеть (**storьбь*), удаваться (**sporь*), отдыхать (**čilь*), сторожить (**stroqь*), заботиться (**stroqь*) (с. 308–309).

Во втором словаре представлены сами семантические мотивации (значения производящих лексем), которым сопоставляются производные от них значения и конкретные прилагательные, иллюстрирующие этот тип семантической деривации. Мотивации иерархически упорядочены и включают рубрики «Положение» (с подрубриками «напротив», «в середине», «наверху», «внизу», «в определенном порядке», «без пары», «свободно»), «Параметрические признаки» («старый», «взрослый», «молодой», «большой», «обильный», «малый», «толстый», «пышный», «худой»), «Внешний вид» («красивый», «безобразный», «блестящий», «цветной», «красный», «серый», «гладкий»), «Физические способности» («сильный», «дельный», «слабый», «быстрый», «медленный»), «Темперамент» («вспыльчивый», «спокойный», «мягкий», «живой», «сексуально активный»), «бешеный, шалый»), «Черты характера» («наглый», «смелый», «трудолюбивый», «ловкий», «ленивый»), «Интеллект» («глупый», «наивный», «думать»), «Психические состояния» («счастливый»), «Физические свойства предметов» («жесткий, шершавый», «острый», «твердый», «мягкий», «редкий, сла-

бый», «густой», «крутой», «кривой», «пустой», «целый»), «Оценка» («хороший», «соответствующий, правильный», «плохой», «отвратительный», «смешной», «трудный и др.). Релевантными мотивирующими признаками оказываются также связи с погодными явлениями (ветром, весной), с растениями (стволом дерева, веткой, древесиной, ростом), животными (их вкусом, рычанием, признаками дикости или освоенности людьми и др.), а также с широким кругом физических действий и процессов — приводящих к уничтожению (бить, угрожать, давить, резать и т.п. или вянуть, гнить, набухать и т.п.), состояний (сторожить, отдыхать, мучиться), движений (двигать, прыгать, бежать, качаться), производственных действий (работать, крутить, вязать, гнуть, хватать и др.). Всем этим мотивирующим значениям сопоставляются связанные с ними мотивированные значения, например, признак «связь с ветром» лежит в основе следующих производных значений: 'плохой', 'неприятный', 'безобразный', 'больной', 'старый', 'вспыльчивый', 'трусливый', 'гордый', 'глупый' (все они предположительно могут выражаться прилагательным **durь*/**durьnь*).

В заключении к книге ставится вопрос о степени надежности семантической реконструкции, о роли разных тематических групп в исследованном корпусе фактов, о экстралингвистических и внутренних, собственно языковых, системных причинах семантических изменений и дальнейших перспективах их изучения — как в связи с методикой и практикой работы над словарем семантических мотиваций, так и в связи с изучением картины мира и аксиологических аспектов языка (системы и иерархии ценностей).

Исследование М. Якубович побуждает к обсуждению и новому осмыслению как общих, так и частных сторон семантической реконструкции, а также конкретных интерпретаций лексических связей и переходов в славянской лексике. В рецензии невозможно сказать обо всех вопросах, сомнениях, возражениях и соображениях, возникающих при чтении книги, поэтому приходится ограничиться главными.

1. Несколько замечаний об объекте и материале анализа. Ограничение исследуемого материала одной тематической группой лексики совершенно понятно с практической точки зрения, однако необходимо отдавать себе отчет в последствиях такого ограничения, когда речь идет об этимологии и семасиологии. Семантическое взаимодействие между тематическими группами (полями) хорошо известно и во многих случаях носит регулярный и продуктивный характер, что подтверждает и исследование М. Якубович: лексика, характеризующая человека, зачастую привнесена в это семантическое поле вторично, из других полей, денотатами которых являются физические объекты, их свойства или действия (ср. *сухой*, *мягкий*, *полный*, *чerstвый*, *яркий* и т.п. о человеке и о неживом объекте). Развитие значений, относящихся к человеку, может быть и часто бывает следствием метафорического переноса, а не просто сужения или расширения исходного значения, причем это характерно не только для инноваций. С другой стороны, «человеческие» характеристики могут переноситься на неживые объекты, ср. *милый* рисунок, *добрый* взгляд и т.п.

Кроме того, состав исследуемых прилагательных неоднороден в семантическом отношении. Так, особую группу и особую проблему составляют прилагательные общей оценки, выражающие понятия «хороший», «плохой», которые, с одной стороны, способны заменять собой любую частную оценку (ср. *хороший ключ* 'такой, который хорошо открывает', *хороший арбуз* 'спелый'), с другой стороны, прилагательные изначально частной оценки могут выражать общую оценку, ср. рус. *паршивый, отвратительный, гадкий, скверный* и т.п. Эти оценки для характеристики человека неспецифичны, они могут относиться к любому объекту. Если же такие общие оценки применяются к человеку, то они тоже означают вполне определенный набор признаков. Ср. *хороший человек* и *хороший отец* — это совершенно разные понятия, включающие разные признаки.

Среди прилагательных, относящихся к человеку, необходимо различать «объективные» характеристики (ср. *красивый, веселый, злой* и т.п.) и «субъективные» определения, характеризующие не столько объект восприятия, сколько воспринимающее лицо и его реакцию на объект восприятия (ср. *дорогой, милый, приятный, отвратительный, противный, мерзкий*); формальным показателем этого различия служит допустимость конструкций типа *противный (противен) мне, отвратителен мне, приятный (приятен) мне, дорогой (дорог) мне*⁷ и т. д. при недопустимости подобных конструкций для «объективных» характеристик (**весел мне, *скупой мне, *злой мне* и т. д.). Эти типы имеют и разные семантические свойства.

2. Каждое из перечисленных выше 16 парных понятий, являющихся заглавным словом («входом») словарной статьи, нуждается в строгой дефиниции: пока мы не знаем, что подразумевается под понятием ХОРОШИЙ, МИЛЫЙ, СИЛЬНЫЙ и т. д., мы не можем с уверенностью идентифицировать с ним значений анализируемых лексем; из-за многозначности соответствующих слов в конкретных языках, реальные словарные толкования могут существенно исказить картину.

3. В работе реконструируются три уровня значений для каждой из исследуемых праславянских лексем: этимологическое (индоевропейское), структурное, опирающееся на континуанты (и дополнительно — инновационное). Очевидно, что реальный путь должен быть обратным: сначала должна анализироваться вся лексика, засвидетельствованная во всех славянских языках и диалектах, и выделены основные значения и лишь на этой основе могут делаться заключения об эвентуальном праславянском значении, которое затем сопоставляется с формально и семантическими сходными лексемами других групп индоевропейских языков, на основе чего могут делаться заключения о возможном индоевропейском значении.

Для того, чтобы выводы о праславянском и индоевропейском значении были надежными, прежде всего должен быть надежным и репрезентативным материал отдельных славянских идиомов (языков и диалектов). Но, к сожалению, в работе не только не приводится исходный материал (скорее всего по соображениям объема), но даже, как правило, не даются иллюстрации к выделяемым значениям лексем. Между тем во многих случаях

наличие искомого значения совершенно неочевидно и нуждается в подтверждении⁸. Ведь мы хорошо знаем, как подчас произвольны и далеки от точности дефиниции толковых и особенно диалектных словарей; если же на них строятся далеко идущие заключения о праславянском значении лексем, то надежность таких заключений сомнительна. Например, в статье BRZYDKI заключение о наличии значения 'некрасивый, безобразный' у прилагательного **gnusьnъ*, делается на основе русского диалектного *гнусный*, которое приводится в рубрике инноваций (с. 149), и это вообще единственный в статье пример, подтверждающий искомое значение у данной адъективной лексемы. Однако обращение к «Словарю русских народных говоров» обнаруживает, что существует всего лишь одна фиксация слова, относящаяся к концу XIX в. и иллюстрируемая одним тобольским примером: «*Не гнусна из себя — не дурна собой*» (СРНГ 6: 251). Этого примера явно недостаточно для того, чтобы приписать рус. *гнусный* значение 'некрасивый', тем более что в других русских диалектах это прилагательное многократно фиксируется в значениях 'прищавый' или 'гнусавый' и т.п., т. е. выражает более частное значение, чем 'некрасивый, безобразный'. То же можно сказать о слове **dělnъ* — значение 'красивый' ему приписывается (статья ŁADNY, с. 147) на основании единственного примера из Зауралья, трактуемого очень приблизительно или даже произвольно (СРНГ 7: 347), между тем соответствующие семантические переходы включаются в общий корпус наряду с массовыми и надежными переходами.

4. Принятое в книге нестандартное понимание этимологического значения слова может ввести в заблуждение, поскольку автор имеет в виду индоевропейское значение не самого прилагательного, а его производящей именной или глагольной основы. Например, для **ladьnъ*, как и для упомянутого выше **gnusьnъ*, этимологическое значение объявляется неясным, хотя его производность от **ladь*, **laditi* несомненна. Это же относится и к **něžnъ*, **grožnъ*, **tařnъ*, **snažnъ* и др.

5. Было бы полезно рассмотреть выделенные семантические переходы отдельно для разных уровней значений и разных стадий семантической деривации: переходы от индоевропейского значения к праславянскому, от праславянского к значениям в отдельных языках, от последних — к инновационным. В исследованном материале эти типы переходов представлены неодинаково. Однако первый тип переходов (от индоевропейского) нелегко проследить из-за отсутствия во многих случаях надежной этимологии исследуемых слов. Второй тип (от праславянского) восстанавливается гораздо надежнее.

Оценивая исследование М. Якубович в целом, следует отметить его безусловную эвристическую ценность — оно проясняет многие трудные вопросы семантической реконструкции, но также хорошо демонстрирует все трудности и опасности, встающие на пути создателя словаря семантических переходов, если он опирается главным образом на этимологические источники. В то же время полученные ею результаты наводят на мысль о явной преждевременности постановки такой задачи в объеме всего сла-

вянского лексикона. В особенности показательно в этом смысле отчетливо проявившееся на исследованном в работе материале отсутствие прямой семантической преемственности между праславянским значением и индоевропейским, заставляющее предполагать утраченными существенные звенья семантической эволюции. По-видимому, на сегодняшнем уровне изученности славянской лексики следовало бы ограничиться праславянскими рамками, причем предпочесть обратный путь — не от индоевропейского, а от засвидетельствованных данных славянских языков и диалектов, и только после этого заняться праславянской реконструкцией и затем индоевропейской этимологией. Ближайшей задачей на этом пути было бы составление идеографического словаря синонимов в масштабе всей Славии (например, по образцу словаря Бака), а затем на его основе словаря славянских семантических переходов (от праславянского к отдельным славянским языкам), которые вполне надежно подтверждаются богатыми лексическими материалами славянских источников. По возможности в словаре славянских семантических переходов следовало бы приводить и параллели из других языков.

Примечания

¹ Эти два издания в данном отношении различны: московский словарь вообще отказывается от какой бы то ни было систематизации значений толкуемого слова и реконструкции праславянского значения, в то время как краковский словарь группирует засвидетельствованные значения по семантическому признаку и предлагает дефиницию реконструированной праславянской лексемы.

² Примерами таких работ могут служить монография словенской исследовательницы А. Шивиц-Дулар, посвященная гнезду **god-* (Šivic-Dular 1999) и работа украинского лексиколога Т. А. Черныш (Черниш 2003).

³ Единственно, что почти не попало в сферу ее внимания, это некоторые направления современной теоретической семантики, разрабатывающие проблематику лексической многозначности и в особенности — регулярной многозначности, которая по существу также имеет дело с семантической деривацией и семантическими параллелями и может пролить свет на характер и закономерности развития «серийных» значений в диахронии или хотя бы «навести на след» таких значений (ср. Апресян 1974, Падучева 2004, Кустова 2004, Зализняк 2006). Впрочем, в заключительной части монографии М. Якубович присоединяется к полемике вокруг понятия регулярной многозначности в работах Апресяна и его последователей, заявляя, что обнаруживаемая в ее работе «склонность некоторых групп прилагательных к расширению семантического спектра отличается от понятия регулярной многозначности» (с. 343). Могли бы быть полезными и работы по активно развивающейся в последнее время лексической типологии (ср., например, Глаголы движения в воде 2007).

⁴ Такая трактовка близка и автору рецензируемой книги, хотя говоря о причинах изменения значений, М. Якубович ссылается прежде всего на трудности внутриязыковых системных исследований, когда речь идет о праславянском языке: «В своей работе я делаю акцент на экстралингвистических причинах, т. е. не за-

висимых от системы. Я бы не отважилась анализировать систему праславянского языка. Слишком многое в нем остается и навсегда останется неизвестным» (с. 343). Там же вводится термин «развитие понятия» (*rozwój pojęciowy*): «Особенностью развития понятия является то, что некоторые понятия — независимо от того, каким способом они выражены в языке, могут развивать другие, предсказуемые значения. Это явление свойственно многим понятийным группам и носит надъязыковой характер» (с. 344).

⁵ Во второй, словарной части работы учитывается еще четвертый тип — «инновационное» значение, т. е. значение, развившееся в рамках одного из языков (диалектов) — наследников праславянского языка.

⁶ В той или иной степени «залоговую» — пассивную или амбивалентную — семантику сохраняют в современном языке не только некоторые типы отглагольных прилагательных (ср. рус. *варкий* 'такой, который хорошо варится', *колкий* 'такой, который легко колоть' и — *стойкий, дерзкий* с «активным» значением) и *popina actionis*, но и отглагольные существительные других типов, ср. *страдалец, торговец* с «активным» значением и *любимец, недоτροга* с «пассивным» значением (см. Толстая 2005).

⁷ Ср. у Пушкина: «И посещу поля пустые, / Леса, когда-то столь густые, / И берег, милый для меня».

⁸ Отсутствие дефиниций исходных понятий, так же как и примеров, подтверждающих соответствующее значение в отдельных языках, вызывает вопросы и сомнения в правомерности предлагаемой интерпретации. Так, в статье МИЛЫЙ неочевидно наличие соответствующего значения (какого именно?) у некоторых включенных в статью лексем (например, лексемы **něžьнь*).

Литература и сокращения

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Глаголы движения в воде 2007 — *Глаголы движения в воде: лексическая типология* / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007.

Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, М.; Л. (СПб.), 1965–. Вып. 1–.

Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // *Язык. Личность.* Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 162–168.

Трубачев 1964 — *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа // *Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической семантике индоевропейских языков.* М., 1964. С. 100–105.

Черниш 2003 — *Черниш Т. О.* Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні (Гніздовий підхід). Київ, 2003.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд /под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—. Вып. 1—.

Havlová 1965 — *Havlová E.* O potřebě slovníku sémantických změn // *Jazykovědné actuality*. 1965. N 4. S. 3–4.

Karlíková 2008 — *Karlíková H.* Úloha principu sémantických paralel v etymologickém výzkumu // *Slavia*. 2008. R. 77. Zeš. 1–3. S. 85–92.

Popowska-Taborska 1989 — *Popowska-Taborska H.* O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów // *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich / Red. H. Popowska-Taborska*. Warszawa, 1989. S. 19–26.

Rozwadowski 1903 — *Rozwadowski J.* Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania. Lwów, 1903.

SP — *Słownik prasłowiański*. Pod red. F. Ślawskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdańsk, 1974—. T. 1—. [N. 8 — 2001]

Šivic-Dular 1999 — *Šivic-Dular A.* Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih. Ljubljana, 1999.

Wojtyła-Świerzowska 1992 — *Wojtyła-Świerzowska M.* Prasłowiańskie abstractum. Słowotwórstwo. Semantyka. I. Formacje tematyczne. Warszawa, 1992.

С. М. Толстая

Eva Havlová. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10)

Предлагаемая вниманию читающей публики монография, изданная брненским этимологическим отделением Института чешского языка Академии наук Чешской республики, является результатом многолетнего исследовательского труда выдающегося чешского этимолога Эвы Гавловой, вся творческая деятельность которой была связана с Брно, ученицы известного этимолога, слависта и индоевропеиста Вацлава Махека. К сожалению, автор не дождалась выхода в свет этой книги, окончательную подготовку которой к изданию осуществили коллеги по этимологическому отделению.

Монография состоит из вступительной заметки редакторов И. Янышковой и Х. Карликовой (с. 7), общего предисловия Яна Зейды (с. 11–14), основного корпуса историко-этимологического комментирования зоологической терминологии в общепринятом зоологическом классификационном порядке (с. 17–200), списков сокращений использованной литературы, упоминаемых языков и др. (с. 203–211), а также словарных индексов (словоуказателей) (с. 215–269), которые делают возможным целенаправленный поиск интересующих словарных статей.

Обобщение истории развития чешской зоологической терминологии с первой четверти XIX в. и донныне, пожалуй, окажется аналогичным истории терминологического творчества во всех европейских языках. Подавляющее большинство чешской зоологической терминологии (а именно,